

Крылов В. Н.

ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ СИМВОЛИСТОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/51.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 122-124. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

2. Добровольский, Д. О. Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 880 с. ISBN 5-94457-168-3. ISSN 1727-1630.
3. Добровольский, Д. О. Полисемия // Энциклопедия «Кругосвет»: www.krugosvet.ru, 2000.
4. Новый большой немецко-русский словарь / под ред. Д. О. Добровольского. М.: Астрель. В стадии разработки.
5. Словарь современного русского литературного языка. М., Лен.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 14. 1390 с.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Государств. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1940. 1500 с.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Hrsg. u. bearbeitet vom Wissenschaftlichen Rat u. d. Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von G. Drosdowski. Bibliographisches Institut Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1983. 1504 S. ISBN 3-411-02175-6.
8. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Hrsg. von D. Götz, G. Hänsch, H. Wellmann. Aufl. 4. Berlin/München/Wien/Zürich/New York: Graphischer Großbetrieb Pössneck, 2001. 1216 S. ISBN 3-468-49026-7.
9. Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten. Zweifelsfälle, Normen und Varianten im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch. Hrsg. von J. Dücker u. G. Kempcke. Leipzig: Ott Verlag Thun, 1986. 543 S. ISBN 3-7225-6194-9.

ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ СИМВОЛИСТОВ

*Крылов В. Н.
Казанский государственный университет*

Общая тенденция в критике начала века (в символистской особенно) – в том, что среди форм речевого контакта в статьях увеличивается роль конструкций от лица автора. Критик стремится разными способами «открыться» перед читателем. В предшествующие этапы развития русской критики происходит постепенная дифференциация как образа автора, так и адресата критической статьи. У Михайловского личность автора статей «все больше теряет обобщенный характер и чаще всего репрезентируется с помощью местоимения я» [Руженцева 2001: 37]. Эта форма характерна для значительной части статей А. Блока, З. Гиппиус, И. Анненского, М. Волошина, для отдельных статей А. Белого, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Д. Мережковского. Д.Е. Максимов писал, что «авторское я присутствует в блоковской прозе – с большой активностью, но без навязчивости – как формально-грамматическое явление и как способ организации материала (речь от лица традиционно-архаичного журнального «мы» встречается у Блока крайне редко)» [Максимов 1975: 268].

Уже первые критические опыты Д. Мережковского («Старый вопрос по поводу нового таланта», «Рассказы Вл. Короленко», «Достоевский») написаны с использованием формы личного «я». Наряду с текстообразующей функцией, как средства оформления ретроспекции текста («От великих перехожу к поколению современных литературных эпигонов», «Прежде чем я перейду к поколению современных русских писателей-идеалистов, я должен сказать несколько слов о другом могущественном литературном течении, также вполне современном, имеющем огромную бездушность <...> Я разумею народничество») [Мережковский 1994: 185-186], «я» создает тон беседы, приближает критическую статью к устному рассказу, возрастает убедительность изложения.

В критической статье, как и в любом другом типе текста, в аспекте восприятия читателем и воздействия на него, значимы так называемые сильные позиции. Личное «я», например, в начале статьи позволяет быстрее завоевать читателя. Вот характерные зачины статей: «Давно мне хотелось поговорить о том, во что превратились отношения людей между собою и какие из этого рождаются тупые и ненужные страдания»; «Мне скучно. Читал-читал целый месяц и журналы, и газеты – нечего даже на полях отметить»; «В кухне у меня живет небольшая, плотная и уже не первой молодости собачонка - Гринька»; «Устал от чтения Миров Божьих, Вестников Европ, Русских Вестников, Богатств и Мыслей, от Куприных, Величек и Серафимовичей»; «Что мне делать? Литература, журналистика, литераторы – у нас тщательно разделены надвое и завязаны в два мешка, на одном написано: «консерваторы», на другом – «либералы» [Гиппиус 2003: 26, 41, 48, 58, 72].

Гиппиус как бы сразу приближает к себе читателя сообщением о своих чувствах, настроениях, привычках, привязанностях, воспоминаниях. Начало может быть передачей некоего общего мнения, с которым автор соглашается или спорит: «Стали все чаще говорить, что хороших стихотворцев нет, плохонькие ударились в декадентство, где ничего понять нельзя, что поэзия вырождается, и даже – что стихи не нужны. С этим последним положением я в некоторой степени согласна» [Гиппиус 2003: 66].

Личная местоименная форма используется и для подтверждения и спора с ранее высказанными утверждениями. Через объективно-авторскую *ретроспекцию* (термин И.Р. Гальперина) читатель настраивается не только на переосмысление сказанного ранее, с учетом изменившихся условий литературно-общественной жизни, но и на восприятие критического текста как единого целого:¹ «Давно, в каких-то заметках о русской литературе, я говорил, что у нас, собственно, литературы нет и не было, а были только литераторы. Это верно, хотя и не совсем»; «Должен покаяться: я когда-то преувеличил заслугу «Русского Богатства» в отношении именно выбора беллетристики...» [Гиппиус 2003: 358, 450].

¹ В кандидатской диссертации итальянской исследовательницы М. Паолини выдвигается гипотеза о «транстекстуальном» характере критической прозы Гиппиус [Паолини 2003: 12]. На наш взгляд, одним из способов достижения «транстекстуальности» являются формы ретроспекций в критическом тексте.

В критике символистов наблюдаются различные формы выражения авторского «я»:

1. Упомянутая нами прямая экспликация авторского «я». Здесь может быть, во-первых, статья, построенная целиком от лица автора. Критик на протяжении всей статьи не скрывает своего отношения к автору, героям, ситуации. Наибольшей эффективностью этот прием обладает в том случае, если за использованием форм первого лица тянется и цепь сопутствующих лексических, синтаксических средств, конструкций разговорного характера, как у З. Гиппиус. В противном случае «я» «тонет» в потоке осложненного синтаксиса, традиционной журнально-публицистической лексики XIX века, как это происходит в ранних статьях Д. Мережковского. За «я» критика в этом случае стоит позиция скорее литературоведа, комментатора, внимательного филолога, переходящая затем в позицию публициста и проповедника. Эту особенность прагматической роли выполняет местоимение «мы».

«Мы» у символистов используется не в смысле обезличенности (мы «авторской скромности»), а в нескольких значениях: 1) автор и другие символисты; 2) автор и символисты – единомышленники по «стану», они могут быть противопоставлены «чуждым», «заблуждающимся» (например, «мистические анархисты» и В. Брюсов); 3) автор и его современники вне символизма; через них расширяется поле воздействия. С помощью местоимения «мы» символисты как бы приглашали читателя приобщиться к пропагандируемому образу мыслей. «При столкновении с искусством мы часто уподобляемся слепцам, оставшимся без поводыря, когда логические законы, при всей их законченности, ничего не объясняют нам в области переживаемых эмоций» [Белый 1994: 100] (здесь «мы» означает читателей вообще). В статье А. Белого «Настоящее и будущее русской литературы» «мы» используется в значении «я» и единомышленники: «Мы просим только одно: чтобы нам верили, что наша исповедь – живая исповедь» [Белый 1994: 361].

У символистов широко используется включение «мы» в другую сильную позицию – финальную часть статей, нередко в виде вопросительных конструкций: «Не пора ли нам проститься с такой широтой, поддаться, сузиться и идти по полному пути, где стоит одинокий образ Генрика Ибсена?»; «Одни из нас обращены к прошлому, где старинное золото сжигается во имя солнечных потоков. В их очах убегающее солнце, и о сожженном золоте, может быть, они плачут» [Белый 1994: 201, 254]; «Вопрос не в том, как Пушкина победить Лермонтовым, – вопрос, от которого зависит наше спасение или гибель: как соединить себя с народом, наше созерцание с нашим действием, Пушкина с Лермонтовым?»; «Вопрос о нашем будущем не есть ли вопрос о соединении Тютчева с Некрасовым?»; «Оба не поняли. Отцы не поняли, дети не понимают, – может быть, внуки поймут?» [Мережковский 1991: 415, 421, 482]. Усиление «мы» в финальных позициях статей (нередко это переход от «я» к «мы») свидетельствует о прагматически-публицистической установке символистских статей; оно выражает желание объединения автора с его современниками. Вместе с тем, безусловно, «страстного ораторского обращения ко всей России и всему человечеству» [Штейнгольд 2003: 32], как это могло быть у Белинского, у символистов не наблюдается.

Другой формой экспликации авторского «я» выступают текстовые («точечные») включения на фоне отстраненно-безличного повествования. Образ автора-повествователя может включать авторское впечатление, авторское осмысление проблемы, включаться в предметную (как говорят лингвисты, денотативную) сетку текста. Перед читателем предстают не только интерпретирующе-оценочные суждения о литературных явлениях, но и о процессе подготовки статьи; критик не боится сказать о трудностях, стоящих перед ним («Страшно писать о Гоголе»¹), о встречах с читателем (в статьях М. Волошина, З. Гиппиус, И. Анненского). В последнем случае критик выступает как очевидец описываемых событий, и авторское «я» сближается с ролью мемуариста. («Первое впечатление от Брюсова. Это было в 1903 году на заседании Религиозно-философского общества»; «Вспоминаю хронологическую непоследовательность моих собственных впечатлений о нем и о его (Анненского. – К.В.) деятельности» [Волошин 1988: 407, 521]).

2. Другой формой повествования становится использование нейтрального объективного повествователя (статьи И. Коневского, В. Брюсова, теоретические статьи А. Белого, В. Иванова). Критики начала XX века ищут различные способы «беспристрастного отношения к описываемому материалу», способов его отстраненной подачи [Пильд 1988 : 21].² Уже С. Андреевский, по наблюдениям И.И. Подольской, тщательно прячет свое «я», «проецируя собственные мысли и ощущения на героев своих критических очерков» [Андреевский 2005: 501]. О «холодке» объективистской манеры В. Брюсова писал Д.Е. Максимов. Он характеризовал его образ автора как «зоркого, вооруженного разумом и знанием, уверенного в своих стихах, властного, свободного от застилающих глаза «исповедальных» эмоций» [Максимов 1975: 208]. «Мы» в статьях Брюсова приближено к традиции научного стиля. Брюсов выбирает позицию эксперта, высокозурдированного читателя, он никогда не показывает процесс размышлений, он дает ему «готовую продукцию» [Бачеева 2004: 16]. Так, как и Брюсов, биографически никак не обнаруживает себя Ф. Сологуб. Он отказывался рассказывать автобиографию и решительно отвергал какой-либо автокомментарий – «никакого личного комментария автора к своему произведению быть не может».³

¹ Белый А. Гоголь // Киевская мысль. – 1909. – 19.03, № 78.

² Но это именно одна из тенденций литературно-критического процесса.

³ Цит. по: [Пустыгина 1983: 117].

Данные формы воплощаются в разных прагматических ролях, которые берут на себя критики-символисты.

Список использованной литературы

1. **Руженцева Н.Б.** Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века / Н.Б. Руженцева: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 38 с.
2. **Максимов Д.Е.** Поэзия и проза А. Блока / Д.Е. Максимов. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 526 с.
3. **Мережковский Д.С.** Эстетика и критика. В 2-х тт. Т. 1. – М.-Харьков: Искусство, СП «Фолио», 1994. – 672 с.
4. **Гиппиус З.Н.** Собрание сочинений. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899-1916 гг. / З.Н. Гиппиус. – М.: Русская книга, 2003. – 528 с.
5. **Паolini М.** Критическая проза З. Гиппиус (1899-1918) / М. Паolini. Дис...канд. филол. наук. – М., 2003. – 240 с.
6. **Белый А.** Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2-х томах. Т. 1 / А. Белый. – М.: Искусство, 1994. – 478 с.
7. **Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н.** 14 декабря. Дмитрий Мережковский. – М.: Московский рабочий, 1991. – 523 с.
8. **Штейнгольд А.М.** Анатомия литературной критики (Природа, структура, поэтика) / А.М. Штейнгольд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.
9. **Сологуб Ф.** Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2. Мелкий бес: Роман. Рассказы. Сказки. Статьи. – М.: НПК «Интел-вак», 2001. – 624 с.
10. **Волошин М.** Лики творчества / М. Волошин. – Л.: Наука, 1988. – 848 с. (Литературные памятники).
11. **Пильд Л.** Мережковский и Тургенев / Л. Пильд // Русская литература. – 1988. - № 1. – С. 16-34.
12. **Андреевский С.А.** Книга о смерти / С.А. Андреевский. – М.: Наука, 2005. – 671 с.
13. **Бачеева О.Б.** М. Волошин и В. Брюсов: литературно-критический диалог. Автореф. дис...канд. филол. наук / О.Б. Бачеева. – Тюмень, 2004. – 24 с.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кудрявцева Н. Б.

Московский государственный лингвистический университет

Начавшиеся в 70-80-х годах прошлого века и происходящие до сих пор изменения в парадигме современного языкознания выражаются в увеличении в его общем континууме антропоцентрического направления, что, с одной стороны, влечет за собой освоение новых научных сфер, а с другой – переосмысление старых теоретических аксиом и устоявшихся постулатов. Стимулом для такого сдвига научного интереса является сформировавшаяся в обществе потребность в изучении не абстрактных, очищенных от конкретных условий общения формул и структур, а информации, учитывающей в максимальной степени феномен жизни человека со всеми его характеристиками. Это не может не приводить к интенсивному взаимодействию гуманитарных дисциплин, одной из точек соприкосновения которых является изучение дискурса.

Однако расширение сферы междисциплинарных исследований, связанных с изучением дискурса, в свою очередь, обуславливает «обратное действие» – постановку вопроса о границах лингвистики и правомерности выбора того или иного объекта в качестве предмета лингвистического анализа. Эксплицитные рассуждения на эту тему представлены в статье А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты», где автор пишет следующее: «Трудно представить себе более кастовую и масонскую науку, чем лингвистика. Лингвисты постоянно от чего-то отмежевываются. Любимый их способ уничтожить идейного противника – это заявить: «Это не лингвистика». Самовоздержание бывает очень полезно: оно увеличивает жизненную силу, направляя её в концентрированных дозах на один конкретный объект, но это лишь временное ограничение, тактическая уловка, а не суть дела, не природа вещей. Известно, что лингвистика последних десятилетий характеризовалась неуклонным расширением сферы своего влияния: от фонетики к фонологии, от морфологии к синтаксису, а затем к семантике, от предложения к тексту, от теоретического языкознания к прикладному. То, что считалось нелингвистикой на одном этапе, включалось в неё на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на занятие такими языковыми феноменами, которые считались недостаточно формальными и наблюдаемыми. И каждый раз снятие очередных ограничений давало новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям. Обнаруживались новые, не замечавшиеся ранее связи, обогащалось и вместе с тем упрощалось представление о языке» [Кибрик 1983:27-28]. Таким образом, современное понимание функциональных границ лингвистического знания может быть сформулировано в виде постулата: «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, там же].

Аналогичные мысли высказывает О. С. Иссерс в своей работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи». Автор утверждает, что лингвистическая прагматика и анализ дискурса, активно развивающиеся в последнее время, отличаются от традиционных (структуралистских) концепций методами верификации результатов. В частности, в дискурсивной лингвистике, в силу её междисциплинарного характера, верификация переносится в смежные области – в сферу психологии, социологии, философии и т.п. Непосредственную роль здесь играет и интуиция исследователя. Это обуславливает существенно бóльшую, по срав-